

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 830-841
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.830

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a,f}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

^f Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

Abstract

During the modernization of Russian society in the second half of the XIX – early XX centuries, the principles of family assistance to disabled people were being transformed in the direction of public charity for the elderly and disabled in specialized institutions - almshouses. In accordance with the rules of charitable institutions, they admitted disabled people who were unable to work and earn a livelihood, as well as those who did not have relatives. The last requirement was the main one, however, in the post-reform period, among the inhabitants of the almshouses there were many who had relatives, but for various reasons they refused the obligation to support their elderly parents or disabled, referring them to social care in a charitable institution. This indicates that the processes of destruction of the family model of charity have begun in the society. Based on the methodological principles of modernization theory, family history and the microhistorical approach, in the article various reasons are examined why able-bodied people ceased to be a source of help and support for their sick and aged relatives. In the course of studying the petitions for admission and expulsion of T.I. Shchegoleva from the almshouse in the city of Krasnoyarsk, the boundaries and abilities of family and marital responsibilities in relation to disabled people in the period from the mid-1870s to the 1910s are analyzed. Based on the results of the analysis, it was concluded how natural was the process of moving away from family care towards charity in a specialized institution.

Keywords: almshouse, disabled people, public charity, elderly people, family, family charity.

1. Введение

Вероятно, каждый из нас в своей жизни хотя бы однажды сталкивался с необходимостью позаботиться о больном и/или нетрудоспособном члене своей семьи, например престарелых родителей или дедушке и бабушке. Одни воспринимают эту обязанность как долг, другие – как обузу, втайне мечтая отправить надоевшего родственника в дом престарелых. Однако, как правило, в таких заведениях должны получать помощь только лица, не имеющие близких родственников или не поддерживающих с ними взаимоотношений, чаще всего социально не защищенные члены неблагополучных семей, зависимые от государственной и иной посторонней помощи. В прочих случаях на государственном уровне законодательно закреплена обязанность взрослых детей и внуков содержать своих родителей (прародителей), воспитателей и приемных родителей.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

Отношение как к самим домам престарелых, так и к тому, может ли пожилой человек при наличии родственников быть помещен в стационарное учреждение, у российской общественности довольно неоднозначное. С одной стороны, в странах, где господствует нуклеарная семья и дети живут отдельно от родителей, это является обычной социальной практикой, но, с другой – отсутствие у детей собственной жилплощади, необходимость в помощи прародителей в воспитании внуков, да и просто традиционный жизненный уклад, при котором постаревшие родители не хотят оставлять своих детей (и наоборот), – все это говорит против помещения нетрудоспособных пожилых членов семьи в дом престарелых. При этом, когда речь заходит о российской специфике социальной помощи нетрудоспособным гражданам вне дома, нередко можно услышать, что подобная практика в нашей стране сформировалась еще в советский период: например, из-за того, что система распределения выпускников после окончания ими учебных заведений способствовала сегрегации детей и родителей. В результате этого последние, становясь одиночками, были обречены на помещение в дом-интернат. Однако представляется, что исторические корни этой проблемы гораздо глубже, и причину того, что казенное учреждение заменило нетрудоспособным людям домашнюю заботу, следует искать в дореволюционном периоде нашей социальной истории.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили положения трех направлений в исторической науке.

Во-первых, идеи теории модернизации, переосмысленные в исследовании У. Бека, в котором процессы модернизации тесно связаны с процессами нуклеаризации семьи, одним из последствий которой может быть разрушение системы традиционной семейной помощи нетрудоспособным членам семьи (Бек, 2000).

Во-вторых, представления авторов, занимающихся вопросами семейной истории, о том, что, изучая жизнь пожилого человека, требуется рассматривать взаимосвязи между ним и его родственниками в условиях специфики конкретного исторического времени (Hareven, 1991). При этом следует помнить, что все семьи и их истории «подгонять» под одну схему нельзя, т.к. семейные системы являются гибкими и адаптируемыми к социальной среде (Van den Berghe, 1979).

В-третьих, методологические положения микроисторического подхода, представленные С. Черутти. Она говорит о том, что реконструкция индивидуальных моделей поведения людей, анализ их индивидуальных социальных, в том числе семейных, отношений позволяет реконструировать последовательность их возникновения в обществе в целом, исходя из конкретного контекстуального анализа. Подобный подход является частью понимания общего исторического процесса, а контекст анализа определяется, исходя из опыта самих действующих лиц, понимания их собственного опыта (Cerutti, 2004).

В связи с этим материалом для исторического анализа семейного и внесемейного опыта нетрудоспособных лиц послужил особый вид исторических источников – прошения о приеме пожилых людей и инвалидов, а также их родственников, соседей, друзей, благотворителей, посторонних лиц, принимавших определенное участие в судьбе нетрудоспособных граждан, проживавших в г. Красноярске в 1870 – начале 1910-х гг., в богадельню красноярской потомственной почетной гражданки, вдовствующей купчихи 1-й гильдии Татьяны Ивановны Щеголевой, а также об увольнении из нее.

О самой богадельне, ее устройстве и управлении можно прочитать в соответствующей публикации А.С. Ковалева, поэтому в настоящей статье о самом богоугодном заведении следует сказать лишь то, что открылось оно Щеголевой 5 октября 1875 года, помещалось в каменном двухэтажном здании, принимались в нее на призрение лица обоего пола – члены купеческих и мещанских семей г. Красноярска и тех же сословий других городов не моложе 50 лет, не способные к труду и находившиеся в состоянии крайней бедности, «не в состоянии снискивать себе пропитание» (Ковалев, 2011а).

Куда интереснее отметить особенности самих прошений, отложившихся в фонде богадельни в Государственном архиве Красноярского края (Ф. 166). В качестве источника для исследования «семейной» истории нетрудоспособных лиц прошения позволили определить: 1) каково было материальное и финансовое положение обращающихся за призрением в богадельню лиц (или тех, за кого просили); 2) состояние их физического здоровья; 3) были ли у инвалида или пожилого человека родственники, которые могли бы их содержать; 4) обстоятельства, которые не позволяли родственникам содержать своих нетрудоспособных членов семьи; 5) историю семьи инвалида или пожилого человека как таковую; 6) дополнительные сведения (о жизненном пути, перемещениях по стране, прежней трудовой деятельности, воинской службе и полученной пенсии и т.п.). Помимо прошений, источниковую базу исследования составили материалы деятельности Попечительского совета богадельни, свидетельства, выданные медицинскими работниками, красноярской мещанской управой, полицией, которые помогли восполнить недостающую в прошениях информацию.

3. Обсуждение

В отечественной историографии вопросы общественного призрения пожилых людей и инвалидов в последнее время получают все больше внимания исследователей. Можно выделить ряд работ, которые в целом описывают состояние благотворительности в отношении нетрудоспособного населения на рубеже XIX–XX веков (Жукова, 2012; Макаренко, 2008; Смолькин, 2005; Чернова и др., 2011). Проблемы социального статуса пожилых людей, восприятия старости сибиряками, специфику призрения в богадельнях Сибирского региона отражены в работах, опубликованных А.С. Ковалевым (Ковалев, 2010; Ковалев, 2011b), а также им в соавторстве, в том числе на страницах журнала «Былые годы» (Kovalev et al., 2019a; Kovalev et al., 2019b). Однако ни в одном из этих исследований подробно не рассматриваются причины, по которым нетрудоспособные лица, имевшие родственников, оказывались в богадельне, и не дана оценка того, почему на рубеже XIX–XX вв. произошло разрушение межпоколенных связей и модели семейной помощи и поддержки пожилым людям. Исходя из этого, цель настоящего исследования – на примере г. Красноярска проанализировать возможности и пределы семейных (и супружеских) обязанностей в отношении нетрудоспособных лиц в период второй половине XIX – начале XX вв.

Прежде чем переходить к историческому анализу, следует остановиться на некоторых теоретических аспектах поставленной проблемы. Во-первых, необходимо понять, почему члены семьи (супруги, взрослые дети) должны осуществлять неоплачиваемый уход за своими пожилыми родителями или родственниками с инвалидностью при умеренной степени их нетрудоспособности и с чем были связаны трудности такой помощи.

Можно считать достаточно аксиоматичным понимание того, что в любое историческое время надлежащий семейный уход способствует увеличению продолжительности жизни пожилого человека, улучшению качества его жизни, а также тому, что неизбежное направление хронически больных нетрудоспособных граждан происходит на более поздних сроках.

Безусловно, объем и характер семейной помощи и поддержки во многом зависели от состава семьи, ее экономических возможностей, качества взаимоотношений между членами семьи, степени умственной и физической дееспособности того, за кем был организован уход. Как правило, эти люди страдали ментальными расстройствами или физиологическими нарушениями организма, что в свою очередь влияло на качество ухода.

Во-вторых, сразу же следует признать, что в Российской империи уже в правление Александра II начинаются модернизационные процессы, в ходе которых значительная часть пожилых людей и некоторые инвалиды нуждались в серьезном постороннем уходе, имели трудоспособных членов семьи, которые могли бы обеспечить уход за ними, но вместо этого были вынуждены доживать свой век в богадельне.

В пореформенный период в стране произошли значительные перемены социального характера, которые во многом повлияли на функционирование института семейного призрения. Увеличилась продолжительность жизни, в результате чего, когда речь заходила о семейной помощи, пожилыми людьми оказывались уже не только сами старики, но и их дети. Другим обстоятельством было то, что у взрослых детей, которые были обязаны заботиться по закону о своих престарелых родителях, тоже были дети (причем часто в немалом количестве), за которыми тоже требовался уход. В то же время постепенный переход от многопоколенной семьи к нуклеарной постепенно приводил к уменьшению состава семьи, а значит, и тех, кто мог взять на себя содержание пожилого человека.

Кроме того, в поисках лучшей жизни многие трудоспособные сибиряки уезжали на заработки в самые разные, нередко отдаленные местности. В результате чего можно говорить о существовании такого фактора, значительно снижавшего возможности семейного призрения, как элементарное географически раздельное проживание членов семьи.

Помимо этого, на проблему семейного призрения следует посмотреть глазами тех, кто оказывал помощь нетрудоспособным. Нередко в прошениях о принятии в богадельню в разных вариациях встречается слово «обременение». То сам пожилой человек или инвалид не хочет быть бременем для своих родных, то, наоборот, дети пишут о том, что обременены необходимостью содержать своих нетрудоспособных членов семьи. Эта характеристика также нуждается в некотором уточнении.

Представители социальной геронтологии, занимающиеся вопросами семейных отношений между пожилыми людьми и их детьми, довольно часто говорят о таком явлении, как «бремя опекуна». Его суть заключается в том, что при всей альтруистичности ухода за нуждающимися в помощи в результате ее крайне интенсивного характера у «опекуна» возникает стресс, вызванный утомляемостью от необходимости постоянного сосуществования с больным человеком, разочарование в своей деятельности, эмоциональное истощение. Нередко ухаживающие за родственниками вследствие сложности характера нуждающихся в уходе испытывают с их стороны реальную или мнимую враждебность. Очевидно, что к психологическому бремени нередко добавляется финансовое, и все это в совокупности могло привести к жестокому обращению с нетрудоспособным членом семьи. В статье А.С. Ковалева, посвященной восприятию старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв., приводится случай, демонстрирующий подобные взаимоотношения. Красноярский мещанин В.Т. Прилуцкий жаловался

городскому голове: «...Имею двух сыновей – учителей начальных школ, один из них... ввиду ограниченного получаемого им жалования и обременения своим малолетним семейством уделяет мне из своего жалования... [недостаточно средств] для содержания себя и уплаты за квартиру... А жить у сына... нет никакой возможности, т.к. жена его... относится ко мне с пренебрежением и почти каждый раз укоряет меня куском хлеба» (Ковалев, 2011b: 98). Естественно, что в таких условиях единственной возможной альтернативой было помещение нетрудоспособного члена семьи в богадельню. Впрочем, все эти теоретические построения требуют эмпирического подтверждения относительно периода второй половины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Итак, обычно в богадельню принимали лиц, у которых не было «никаких родственников, которые могли бы прокормить». Но, несмотря на то, что это правило было прописано в Уставе Щеголевской богадельни, значительную часть призываемых в период существования заведения составляли «семейные» нетрудоспособные, у кого были дети, племянники или внуки. Они зачислялись в богоугодное заведение на «особых условиях».

Довольно часто бывало так, что на самом деле родственники были, но по своему бедному состоянию действительно не могли обеспечить надлежащий уход за инвалидом или стариком. Скажем, у просителя были дети, но они проживали далеко и не могли взять на себя содержание пожилого человека. В этом случае розыски не проводили, а при наличии мест в богадельне устраивали в нее стариков. Но когда родные пожилого человека возвращались на родину, некоторые проявляли семейную заботу и забирали родителей к себе. К примеру, в 1876 г. в богадельню как «не имевшая родственников» была принята 64-летняя красноярская мещанская вдова У.К. Долганова. Однако через два года в Красноярск переехали с промыслов ее родственники и изъявили желание «приютить ее и кормить при старости ее лет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 72, 77).

Далеко не все призываемые старались во что бы то ни стало получить и удержать место в богадельне. Председатель Енисейского губернского правления сообщал городскому голове П.М. Прейну, что на призвание кандидатом в богадельню был зачислен ссыльный Тимофей Новиков. Однако в момент ожидания места у него обнаружили родственников, поэтому он добровольно отказался от места и отправился к детям на родину, а свое место попросил передать мещанке П.С. Дмитриевой, которой отказали в предоставлении места в гражданской богадельне приказа общественного призрения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 124).

В другой раз у престарелой Анны Шульц, подавшей прошение о приеме в богадельню, не оказалось детей, которые могли бы ее призывать, и в декабре 1876 г. она по бедному состоянию была принята в богадельню, но, когда в июле 1880 г. выяснилось, что у нее в Бийске проживает дочь, она сразу же к ней уехала (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 84-86).

Конечно, одной из причин, почему имевший родных пожилой человек не оставался на их содержании, а оказывался в богадельне, было то, что призываемый скрывал родственников. С подобной историей столкнулись члены Попечительского совета богадельни, которые рассматривали прошение А.Г. Илюхина. Того за «дурное поведение и пьянство» однажды уже исключили из богадельни, но он обратился с просьбой о повторном принятии на призвание в учреждение, заявляя, что он одинок и не имеет никаких средств к существованию, а также обещая исправить свое поведение. Эконом богадельни выступил в пользу просителя, заявив, что Илюхин «неоднократно раскаивался в своей ошибке и делал обещания больше вина не пить, что... можно устранить, не позволяя ему отлучек ни под какими предлогами». Члены совета решили, что «поступок... не составляет большой важности ввиду раскаяния Илюхина и что он был уволен лишь для примера прочим призываемым...и вполне заслуживает... снисхождения к сделанному им поступку и принятия его вновь на призвание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 48-49об.).

В октябре 1882 г. старика вернули в богадельню «с тем, чтобы он во время нахождения в богадельне вел себя безупречно и буде повторить вновь свой поступок, за который он был уже уволен, то он должен быть уволен из богадельни навсегда». Однако уже в апреле Илюхина снова исключили за рецидив, причем в процессе разбирательства эконома заинтересовало, откуда призываемый берет деньги для приобретения спиртного, и выяснил, что у старика в Енисейске жил сын, который отказывался содержать престарелого отца, но охотно отправлял ему деньги, которые тот тратил на выпивку. В результате Илюхин был уволен из богадельни даже не за нарушение правил внутреннего распорядка, а «поскольку... может себе требовать пропитание от сына», то «место, занимаемое им в богадельне, может быть заменено другим» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 58).

Трудно дать оценку этому эпизоду, скрывал ли пожилой человек своего сына намеренно, было ли результатом сговора или откровенного мошенничества ради призвания в богадельню, является ли это «преступлением» в юридическом отношении, но с этической точки зрения подобное поведение явно было безнравственным, ведь у многих пожилых людей, месяцами числившихся кандидатами в богадельню, действительно не было родственников и средств к выживанию, в то время как их места занимали вот такие лица.

Следующей причиной можно считать неудовлетворительное материальное положение родственников, которые моли принять на себя заботу о нетрудоспособном члене семьи. Так, жена отставного рядового Федора Колмакова длительное время содержала свою сестру Феодосию, которая в 57 лет ослепла и стала вдовой, «пришла в крайне бедственное положение, не имея никаких средств к своему существованию». Женщина просила принять ее сестру в богадельню и описывала свою нелегкую жизнь: «Хотя по родственному чувству я принимаю в ней участие, но по бедности... моей я не могу содержать ее, поскольку сама ради Христа едва могу иметь приют при Красноярском Успенском общежительном монастыре, не предвидя в будущем, где могла бы преклонить голову, ...имея в виду, что более родственников и у меня нет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 24).

Однако, если родственникам удавалось улучшить свое материальное положение, некоторые принимали старика обратно. Например, крестьяне из д. Лукиной Демьян Замятин и жена его Марфа обратились в Попечительский совет богадельни с просьбой забрать мать мужчины, т.к. «теперь по благословенному у него урожаю хлеба состояние их поправилось и имеют средства до смерти питать и одевать мать свою». К тому времени пожилая женщина провела в богадельне 4 года, и на момент возвращения в семью ей исполнилось 79 лет (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 65).

Частой причиной был ничем не мотивированный отказ детей (родственников) от выполнения своих прямых обязанностей по содержанию престарелых родителей. Так, красноярская мещанка Марфа Кручинина, 55 лет, по болезни не могла работать и содержать себя самостоятельно, обратилась за помощью к пасынку, которого воспитывала 30 лет, но он принять ее к себе отказался без объяснения своего решения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5. Л. 24).

74-летний Василий Сибиряков также жаловался, что у него есть приемный сын, которому он в свое время даже выбил льготы при отбывании воинской повинности, но, когда возник вопрос о содержании престарелого отчима, он заявил, что «считает себя мне ничем не обязанным и от поддержки отказывается» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 135-137). Попечительский совет рассмотрел прошение Сибирякова и выяснил, что приемный сын Сибирякова Аристарх действительно «благодаря своему воспитателю воспользовался правом на льготу» во время призыва на военную службу, а потому «в силу существующих законоположений обязан давать средства на содержание воспитателю своему». В богадельню пожилого человека не приняли, оставив за ним «право требовать себе на содержание от сына своего судом» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 149-150), но чем закончилась эта история, неизвестно.

В 1894 г. городской голова П.М. Прейн решил лично посетить богадельню им. Т.И. Щеголевой. Мест не хватало, прошений становилось все больше, и градоначальник, видимо, решил провести ревизию заведения на предмет того, все ли призываемые действительно заслуживают того, чтобы получать помощь в богадельне. Из письма П.М. Прейна следует, что он нашел в богадельне мещанина М.С. Серебренникова, который имел родную дочь, вдову отставного майора, «настолько обеспеченную средствами, что вполне может содержать своего отца», а потом был разгневан: «Подобного рода лиц содержать в богадельне нахожу нарушением» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 18-19). Попечительский совет, рассмотрев письмо П.М. Прейна, постановил отыскать дочь Серебренникова и обязать ее взять отца на свое иждивение.

Женщину нашли, но она отказалась принимать к себе отца. Она отправила в Попечительский совет письмо, в котором сообщала: «Взять в настоящее время из богадельни отца моего... при всем моем желании я положительно не могу, так как уже несколько месяцев тяжело болею и сама нуждаюсь в постороннем за собой уходе, а потому и получаемая мною пенсия в 19 руб. в месяц почти исключительно расходуется на мое лечение» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 56). Конечно, слабое состояние здоровья было серьезным поводом отказать отцу в помощи, хотя обычно семейному призрению мешали материальные проблемы, поэтому в случае с дочерью Серебренникова ее 19-рублевая пенсия действительно могла считаться вполне достаточной, ибо большая часть пенсионеров жила на 3 рубля в месяц, и уж выделить такую же сумму из своих средств отцу женщина точно бы могла.

Возможно, семью раздирали внутренние противоречия и нелюбовь друг к другу, поскольку дальше вдова майора пишет: «...Своим долгом считаю известить вас, что у отца моего, кроме меня, еще есть сын... Николай, ...проживающий в Красноярске, 36 лет, совершенно способный к труду, и мог бы призреть отца своего» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 57). Городской голова распорядился отыскать сына, чтобы он принял отца на содержание. Удалось его найти или нет, неизвестно, но в итоге Попечительский совет снова вернулся к тому, что призреть Серебренникова должна его дочь, однако архивные документы свидетельствуют, что она отца к себе так и не взяла, он остался в богадельне еще на год (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 155).

А вот еще один пример. Пожилой красноярский мещанин М.В. Иванов просился в богадельню и жаловался на своего сына: «Имея преклонные лета и находясь в болезненном состоянии, работать не могу, средств к жизни не имею, а имею сына, который проживает в г. Томске и ведет жизнь развратную, мне не дает на пропитание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 38).

В 1907 г. некто М.Г. Фарафонов просил принять мать в богадельню, которую выставили из городской больницы на основании того, что ее болезнь ног была признана неизлечимой. Попечительский совет ему отказал, потому что ей был всего 51 год и ее мог содержать сын, хотя были

готовы принять ее «своекоштной пансионеркой» (за счет собственных средств – прим. авт.). И вот тут непонятно, почему Фарафонов, у которого «нет средств к существованию» и вообще «стесненные жизненные условия», но была работа, за которую он получал жалованье, и его взрослая работоспособная дочь не могли дать приют пожилой женщине, зато были готовы платить за ее призрение в богадельню. Впрочем, что еще удивительнее, вскоре женщину приняли на призрение за счет средств богадельни (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 78. Л. 7).

Однако далеко не всегда Попечительский совет богадельни принимал нетрудоспособных, у которых были дети, даже за деньги. Некто Дарья Новопавловская хотела отправить в богадельню своекоштным пансионером своего отца, внося за него ежемесячную плату. Она даже получила подтверждение и гарантии об исправном платеже, но отца ее не приняли, потому что у него была дочь, у которой были средства, но она не хотела его содержать, а пыталась переложить ответственность на работников богадельни (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 81. Л. 55-550б.).

Еще одной причиной того, что родственники «отдавали» стариков в богадельню, могла быть ситуация, когда у самих детей было слабое здоровье. К примеру, слепой престарелый К.Я. Воробьев попросился в богадельню уже в солидном возрасте, когда его сына разбил паралич, он не мог трудиться и содержать отца (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 40). Интересно, что сам сын Воробьева считал помещение отца в богадельню вынужденной мерой. В своем прошении он писал: «Болезненное мое состояние, требующее для восстановления здоровья материальных средств, каковые я, к несчастью, не имею, заставляет меня почтительнейше просить... принять на **временное** (выделено нами – авт.) содержание в богадельню впредь до моего выздоровления моего отца... Я в настоящее время при бессредственной жизни, значительном семействе и моей тяжелой болезни не имею совершенно возможности доставлять содержание моему престарелому отцу» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 46).

В ноябре 1908 г. красноярский мещанин А.Д. Ларионов подал прошение, в котором говорил о том, что он содержит двух престарелых и больных родителей – 68-летнего отца и 65-летнюю мать и просил хотя бы одного из них принять на призрение. Причиной того, что он сам не мог обеспечить им уход, он называл то, что «самому хотя и не много лет, но от усиленного с малых лет труда часть приходится также быть больному, это-то главное обстоятельство и заставляет меня просить, ...чтобы несколько облегчить тяжелую участь мою» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 8-80б.). Однако в феврале 1909 г. его отец умер, и за смертью его ходатайство рассмотрено не было, т.к. дошло до Попечительского совета только в марте.

Следующей причиной невозможности призывать нетрудоспособных в семье можно считать обстоятельства непреодолимого характера, точнее – последствия, вызванные ими, коренным образом менявшие материально-бытовые условия жизни человека. Например, в 1881 г. в Попечительский совет Щеголевской богадельни обратился томский мещанин Василий Зуев. В прошении он рассказал, что после смерти родителей на его иждивении в течение 9 лет находился родной брат Петр, «от роду тридцати лет, который от рождения лишен физических действий рук и ног и находящийся в положении полного идиотизма». Несмотря на то, что у него самого было четверо детей, которых он воспитывал один, Василий старался заботиться о брате, хоть и жаловался, что долгое время не мог «поступить никуда на службу, имея его при себе». Зуев смиренно «нес свой крест» до тех пор, пока в Красноярске не случился большой пожар, в результате которого он сам и все его семейство остались без крова и средств к существованию. Проситель пишет: «...Для меня он [раньше] не был в тягость, сейчас же по неимению средств... в настоящее время... не имею возможности больше содержать семейство, ...иметь собственно для ухода за ним человека чрез понесенные мною убытки во время пожара» (ГАКК. Ф. 166. Оп. Д. 13. Л. 3-5).

В 1904 г. крестьянка Мария Кытманова просила принять в богадельню мать Ефросинью, 86 лет, которая «работать не может, терпит голод и холод». Раньше она содержала мать вместе со своим мужем, но того призвали на Русско-японскую войну), женщина осталась одна и на свое нищенское жалованье не могла обеспечивать мать (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 81).

Впрочем, случалось, что даже мужья отказывались содержать своих жен, и те были вынуждены искать помощи у родственников. К примеру, в 1881 г. красноярец И.А. Кочергин подал прошение в Попечительский совет богадельни им. Т.И. Щеголевой с просьбой принять на призрение его жену Степаниду, которая до этого почему-то проживала не с ним, а «у родственников своих, людей несостоятельных, которые ей в средствах к жизни отказывают по случаю дороговизны содержания». Теперь же, заявлял мужчина, «жена больна тяжело и родные ее ропщут более прежнего, и она при болезненном ее состоянии... им в тягость, ибо люди они крайне бедные», и потому умолял принять супругу в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 4-5).

Интересно, что при рассмотрении дела никто не задался вопросом, почему помощь жене не оказывает сам Кочергин, но члены Попечительского совета вошли в положение женщины и приняли ее на призрение в богадельню. Однако уже через месяц Степанида Кочергина была замечена «в долговременной отлучке» и как долгое время не являющаяся в богадельню. Выяснилось, что она сбежала из богадельни и вновь обосновалась у своего племянника, который будто бы и сам был не против принять пожилую тетку.

Отставной солдат из Красноярска М.Т. Зубков в возрасте 78 лет лишился трудоспособности и средств к жизни и попросился в богадельню. Однако при рассмотрении прошения Попечительским советом выяснилось, что у Зубкова многочисленное семейство – 4 сына от первого брака, жена и 3 дочери от второго брака (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 71. Л. 43-43об.). Конечно же, его не приняли, посчитав, что у него вполне достаточно родственников, которые могут содержать старика. Но вот в чем вопрос: как Зубков оказался совсем один, почему вторая жена его не обеспечивала и даже не проживала с ним, почему он «не имел приюта» и жил в одиночестве, имея 7 детей?

Надо сказать, что Попечительский совет богадельни рассматривал все обстоятельства, при которых один супруг не мог содержать другого. Так, жена канцелярского служителя К.Г. Попова просила определить в богадельню своего мужа своекоштным пенсионером, но ей отказали, т.к. она «имеет свой дом, имеет полную возможность при своем доме содержать мужа своего» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 41-41об.).

Следующей причиной отказа от семейного призрения нетрудоспособных лиц можно назвать ситуацию, когда об инвалиде или пожилым человеке действительно заботился кто-то из родственников, но в результате внезапной смерти этого человека, оказывавшего помощь, нуждавшийся в постороннем уходе оказывался предоставлен сам себе. Скажем, 46-летний красноярский мещанин Е.П. Архипов, страдая параличом, поражением рук и ног, паховой грыжей, в течение 26 лет находился на иждивении матери: «Пока была жива моя мать, и я кое-как мог жить, так как она за мною ухаживала и своими трудами давала мне пропитание, но мать моя назад тому 30 дней как умерла, с этого времени до настоящего я кое-как пропитывался на деньги, вырученные за проданные кое-какие вещи малоценные, но затем, проевши эти деньги, я в настоящее время нахожусь в самом безвыходном положении, то есть без крова и без пищи» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 26. Л. 12). Кстати, показательно, что благодаря уходу матери инвалид прожил 20 лет, а когда ее не стало и он оказался в богадельне, то уже через 4 года скончался.

80-летняя вдова В.З. Клыккова страдала параличом и не могла ходить, находилась вместе с дочерью на попечении старшего сына, у которого не было достаточно средств, но он содержал двух женщин. Когда же его не стало, 60-летняя и 80-летняя Клыкковы оказались в безвыходном положении и попросились в богадельню. Однако пока они ждали ответа, мать умерла, а что стало с дочерью – неизвестно (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 34).

Конечно, в некоторых случаях можно говорить о комбинации разных, в том числе вышеуказанных, причин. Скажем, у П.В. Лукиной, 73 лет, был сын, но он сам болел и был обременен многочисленным семейством (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 88). Другой пример – красноярец Д. Самсонов до 72 лет «имел силы и здоровье, зарабатывал пропитание, одежду и обувь», но в результате заболевания лишился «зрения и силы и здоровья для работы». У Самсонова было двое сыновей, один из которых содержал семью с пятью малолетними детьми и сам кое-как сводил концы с концами, у другого же было свое хозяйство, к тому же он занимался кожевенным мастерством, но заявил отцу, что «по дряхлости лет пропитывать его не хочет», поэтому старик просил принять его в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 41. Л. 10-11).

Налицо сразу две причины: отсутствие у одного из сыновей пожилого человека в силу объективных обстоятельств средств для того, чтобы обеспечивать отца, другой же отказал ему просто из-за нежелания содержать. По правилам богадельни Самсонова, конечно же, не должны были принимать в богоугодное заведение, поскольку законодательно обязанность призреть отца лежала на детях, но благодаря отзыву товарища председателя Попечительского совета А.И. Иванова, лично знавшего просителя, его все же приняли в богадельню.

79-летняя красноярская мещанская вдова Татьяна Ашлова обратилась с прошением к городскому голове с просьбой о помощи. У нее остался на воспитании малолетний внук Валентин, которого она по старости лет и отсутствию средств не могла дальше содержать и обеспечивать себя саму. В связи с этим женщина просила отправить внука к деду Гавриле Петрову в деревню, а ее саму поместить в богадельню. Городской голова распорядился просьбу удовлетворить и выделил деньги на препровождение ребенка к месту назначения, однако отвезти его должна была сама пожилая женщина, что она и сделала, несмотря на свой возраст. Однако дед наотрез отказался принимать мальчика к себе, и пожилой женщине пришлось возвращаться с ним обратно в Красноярск. Поездка, видимо, отняла у нее последние силы, и она снова написала прошение с просьбой принять ее и внука в богадельню. Конечно, о приеме несовершеннолетнего и речи быть не могло, но, пока Ашлова возила внука к деду, свободные места в богадельне закончились. Только через полгода ее приняли на полное содержание (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 26. Л. 29-30).

Красноярская мещанская вдова Е.И. Потылицына в прошении городскому голове подробно рассказывала свою семейную историю. Оставшись после смерти мужа с тремя малолетними детьми, она тем не менее своим трудом смогла «в течение 20 с лишком лет» воспитать сына и двух дочерей. Став взрослыми, дети оказывали матери некоторую поддержку, она имела доход «от них... и от [своих] трудов» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 90. Л. 64-66об.). Но вскоре на женщину одно за другим обрушились несчастья: она похоронила сына и младшую дочь, а старшая дочь овдовела и осталась без средств к существованию с малолетним сыном, а потому не могла оказывать матери помощь.

Потылицыну приняли в богадельню с платой 90 рублей за первые полгода с последующим переводом на содержание за счет учреждения.

В отдельных случаях у призреваемых действительно были родственники, но они не могли не могли помочь в силу реальных обстоятельств. Скажем, у 64-летней вдовы дворянина Ю.И. Прокофьевой из родных был малолетний внук, который сам находился на призрении в приюте Синельниковского общества (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 40-40об.). 70-летнего К.В. Евстеркина содержал его 30-летний сын, проживавший в Иркутске, но однажды он исчез: от него перестали приходить и деньги, и известия. Что случилось с сыном, осталось неизвестным, только после этого старик попросился в богадельню (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 47).

У 80-летней слепой Меланьи Николаевой был сын, который мог ее содержать, но он угодил в тюрьму, к тому же она не относилась к купеческому или мещанскому сословию, что было обязательным условием призрения в богадельне Т.И. Щеголевой. За нее вступился енисейский гражданский губернатор, и женщину приняли в заведение. А вот арестанту Пыреву так не повезло: у него, кроме матери, на попечении были еще двое малолетних детей, но ни губернатор, ни городской голова, ни члены Попечительского совета не нашли возможным принять его 85-летнюю престарелую мать в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 39-41).

Иногда дети содержали родителей до последнего, и только когда сами становились немощными, отказывались быть источником помощи. Так, красноярский мещанин И.А. Иванов обеспечивал свою престарелую мать, пока ему не исполнилось 70 лет (ей было уже за 90), и даже тогда попросил принять в богадельню только ее, а не себя, хотя ему, видимо, тоже было несладко: «дряхлый, едва с трудом пропитываюсь» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 76).

Пожилой мещанин Яков Харламов в 1908 г. просил принять его в богадельню, поскольку он «остается один – старший сын находится под судом, а младший отправляется на военную службу». Но поскольку мужчина не представил никаких доказательств, его ходатайство оставили без последствий (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 34-36).

А у красноярской мещанки А.И. Павловской в 1899 г. умер муж и остался сын Роман, который отличался «бурным поведением» и был известен как «человек неблагонадежный и не могущий быть опорой для матери». В 1901 г. она исходатайствовала, чтобы его приняли на военную службу, но через год он сбежал из Красноярского резервного батальона и больше не объявлялся. Когда в 1908 году ей исполнилось 58 лет и она по слабости здоровья обратилась с просьбой принять ее в богадельню, ей отказали на основании того, что у нее есть сын. Пока рассматривали обстоятельства его исчезновения, Павловской не стало и дело закрыли (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 67-67об., 70).

Обычно закон стоял на страже интересов пожилого человека, которого были обязаны содержать родные или приемные дети, при наличии которых стариков запрещалось принимать в богадельню. Вот показательный пример: в Попечительский совет Щеголевской богадельни обратилась некто С.И. Чуринова. Она сообщила, что в Красноярске после смерти ее соседа Н.И. Мушников у него остались сиротами «без всяких средств к существованию» двое детей – 19-летний Владимир и 16-летний Александр, «находящийся с самого рождения калекой, который требует поэтому постоянного ухода». Старший сын, писала женщина, «в настоящее время находится без определенных занятий и не имеет даже возможности пропитать себя, не то что дать чем-нибудь помощь брату своему» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 66-68). Сердобольная дама просила принять Александра в богадельню, однако члены Попечительского совета, рассмотрев ее заявление, вполне естественно решили, что Владимир «вполне может работать и дать своему брату средства для существования», в случае же «крайней бедности» им вполне могут помочь их многочисленные родственники (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 66-68).

Разрушалась система семейного призрения и в обратную сторону, когда родители просили принять на содержание своих нетрудоспособных детей. Так, молодая женщина по фамилии Клевцова потеряла зрение, но у нее была мать, которая почему-то не могла или не хотела содержать дочь. Ее не приняли за неимением мест, но вскоре в Попечительский совет поступило прошение о том, что Клевцова может содержаться за собственный счет. Женщина была включена в число членов богадельни, но в скором времени выяснилось, что это Красноярская мещанская управа временно согласилась внести необходимую сумму с тем, что дальше мать Клевцовой возьмет ее содержание на себя. Та согласилась, но, когда пришло время платить, вновь заявила, что средств у нее нет. Впрочем, и здесь Попечительский совет пошел навстречу женщине: когда ни управа, ни мать Клевцовой, ни она сама не смогли заплатить за содержание, ее приняли на постоянное призрение за счет средств учреждения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 61-63, 131-133). Возможно, Клевцовой просто повезло, что она раньше попала как своекоштная призреваемая, а потом в богадельню как раз освободилось место, когда исключили очередного престарелого алкоголика-дебошира.

Конечно, существовали и положительные практики семейной поддержки: в архивных документах обнаружилась такая форма заботы, как «посмертное» содержание нуждающегося члена семьи. В 1896 г. в Попечительский совет богадельни подала прошение красноярская мещанка А.В. Лепетухина, сообщив, что ее знакомая А.Н. Кононова завещала ей все свое имущество с условием, чтобы Лепетухина выделила 300 рублей на содержание при богадельне Т.И. Щеголевой родной

сестры Кононовой, «темной (слепой – прим. авт.) крестьянки... 50-ти лет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 71-72об.).

Естественно, последнюю волю Кононовой ее подруга выполнила и слепую женщину устроили в богадельню. На сумму, которую предоставила наследница, она могла жить в богадельне 4 года. Но вот что интересно: А.В. Лепетухина, которая так легко согласилась расстаться, пусть и по завещанию, с тремястами рублей в пользу призрения чужой ей слепой женщины, в 1903 г. отказалась содержать в богадельне своего собственного отца.

Дело было в том, что красноярский мещанин Гусев призревался за счет собственных средств в богадельне с января 1902 по март 1903 гг., но половину суммы вносил он, а половину – его дочь Лепетухина. В марте 1903 г. он был освобожден от платы, но только своей доли, дочь же должна была продолжать вносить свою часть денег за призрение отца, но не делала этого вплоть до ноября того же года, и за ней накопился долг почти 27 руб. Лепетухина уплатила 15 руб. 40 коп., а остальную сумму платить отказалась: «Имею честь уведомить Попечительский совет, что платить деньги за содержание своего отца... я более не желаю» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 3).

Надо отдать должное членам Попечительского совета, которые, несмотря на то, что дочь в очередной раз фактически отказалась от 85-летнего отца, нашли в себе «социальное мужество» – полностью освободили Гусева от выплаты дальнейших взносов и оставили в богадельне за счет средств заведения (хотя в дальнейшем недостающую сумму с дочери все же взыскали) (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 4-5).

Также в отсутствие родных заботу о нетрудоспособном человеке брали нередко на себя их друзья, соседи, а порой и совершенно посторонние люди. Например, вдова Ф.Е. Аршинникова 40 лет жила в Красноярске без мужа и ее содержал сын, но как только он умер, содержать ее стало некому. Два года после смерти сына она жила у красноярца Г.В. Басенко, но через два года тот написал прошение городскому голове: «Старушка... очень дряхлая, а у меня самого семья состоит из 9 человек, ходить за [н]ей у меня некому, да и некогда» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 8-9).

Показательным в этой истории является еще один момент: Басенко, служившего на железной дороге, переводили на работу в Томск, он должен был срочно выехать к новому месту службы со всей своей многочисленной семьей, а потому сильно переживал за престарелую вдову: «Мне ее бросить без призрения нельзя» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 9-10). Попечительский совет внял просьбе и Басенко, и городского головы, который его поддержал, и принял женщину в богадельню сверх штата.

В 1911 г. дочь ачинского мещанина А.И. Клыкова прислала за 16-летнюю крестьянскую дочь Ираиду, мать которой недавно умерла. Про девушку в прошении сообщается, что она «сирота неразвитая и слабоумная, но тихая и спокойная». Сразу после смерти матери отчим перевез ее из деревни в Ачинск к родному дяде Ираиды, но тот продержал ее всего лишь несколько дней и подбросил к дому родителей этой самой Клыковой, где Ираида проживала полгода. Но долго родители Клыковой и сама она не смогли ее содержать, т.к. их семья состояла из 12 человек, и тогда по поручению родителей Клыкова привезла девочку в Красноярск, чтобы устроить в богадельню «за 200 рублей взноса» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 90. Л. 91-92об.), но ее не приняли.

Вопрос даже не в том, почему посторонняя семья из 12 человек при наличии «лишних» 200 рублей не могла содержать слабоумную девушку, а в том, каково было отношение к ней родных людей. Ни отчим, ни родной дядя не взяли сироту к себе, хотя вряд ли она доставляла им какие-то хлопоты. Это также во многом свидетельствует о том, что и в провинциальном городе, и в деревне в первые десятилетия XX века всюду шли процессы социальной модернизации, для которой характерно разрушение семейной модели призрения.

Но самая невероятная история призрения пожилого человека в Красноярске в дореволюционный период случилась с 98-летней Паулиной Ивановной Денисюк (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 171). У нее было 6 сыновей. Старший в результате аварии парохода на Енисее получил многочисленные ушибы тела, вследствие чего сам оказался не способным к труду. Он жил тем, что торговал в Красноярске старьем на базаре. Второй сын находился на военной службе, третий жил «где-то в России», а «что сделалось с остальными, и где они в настоящее время находятся», ей было неизвестно. Дети ей никак и ничем не помогали, вероятно, вовсе полагая, что матери нет в живых. А престарелая Денисюк в то самое время жила при местной актерской труппе. За проживание она не платила, еще и пользовалась бесплатно столом, выполняя некую работу по «окарауливанию квартиры». Причем директор актерской группы даже заключил с пожилой женщиной своеобразное соглашение, выдав ей «удостоверение», в котором были пописаны все условия ее проживания.

Неизвестно, как долго она так жила, но однажды актеры подали прошение в Попечительский совет богадельни, что «далее нет возможности ей существовать ввиду неспособности к труду» и просили устроить ее в богадельню Т.И. Щеголевой. Но, как это часто бывало, мест не было, тем более что Денисюк по происхождению была из крестьян. Она не подлежала призрению в богадельне, но ее историей заинтересовался енисейский гражданский губернатор и лично попросил устроить престарелую женщину в богадельню.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что в пореформенном российском обществе начинается серьезная трансформация механизмов общественного призрения, связанная с вытеснением принципов семейной поддержки нетрудоспособных членов семьи в сторону социальной помощи в специализированных заведениях. Даже в Сибирском регионе, где актуальные процессы несколько запаздывали, можно увидеть, что с 1860-х гг. на протяжении почти полувека происходило разрушение семейной модели помощи и поддержки пожилых людей и инвалидов. Однако нельзя сказать, что слово «разрушение» несет в этом случае однозначно негативные коннотации. Само по себе его следует понимать в одном из значений, представленных в словаре Ожегова, как синоним «нарушения» или «расстройства». С появлением фактической возможности передать нетрудоспособного члена семьи на призрение в богадельню без объективных причин, в том числе просто за деньги, нарушались привычные способы взаимодействия детей и родителей, происходило расстройство этических норм, и семья больше не могла быть ведущим субъектом социальной помощи.

В то же время разрушение семейной модели призрения нетрудоспособных должно восприниматься как естественный процесс вследствие набирающей обороты модернизации, в которой частью «модерна» как раз является постепенный переход с семейного на институциональный уровень помощи в результате разрыва межпоколенных связей. В условиях сложной повседневной жизни семья переставала выполнять важнейшую социальную функцию опеки и защиты, поддержания материальных условий престарелых членов семьи.

Хотя наличие положительных примеров, когда дети забирали к себе пожилых родителей при восстановлении своего здоровья или материального статуса, вариант «посмертного» содержания родственников или участие в судьбе нетрудоспособного посторонних лиц свидетельствует о том, что в исследуемый период еще не произошел отказ от модели общественного призрения как таковой и окончательного перехода к «внесемейной» помощи старикам и инвалидам – в лучших традициях диалектики они продолжали сосуществовать и влиять друг на друга. Только в годы советской власти призрение стариков и инвалидов в специализированных заведениях станет привычным делом. Пока же шел процесс преобразования самой семьи, сопровождавшийся изменением представлений о том, где заканчиваются пределы семейной заботы.

Вполне естественно, что при отсутствии всеобщего пенсионного обеспечения, системы социальных услуг для пожилых людей и инвалидов, помощи на дому ответственность за содержание нуждающегося населения в период «дожития» принимало на себя общество в лице благотворителей, готовых содержать богоугодные заведения. Однако если изначально оно было призвано быть мерой поддержки в условиях экстраординарной ситуации, когда бедному и одинокому старику больше было не к кому обратиться, то со временем возможности богадельни в призрении пожилых людей стали очевидны и для членов их семей, воспринимавших своих состарившихся родственников как обузу и тягостное бремя, которое можно запросто переложить на плечи общества.

Литература

- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Жукова, 2012 – Жукова А.В. Благотворительность в Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Актуальные проблемы гуманитарных наук*. 2012. С. 375-378.
- Ковалев, 2010 – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере г. Красноярска) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 102-105.
- Ковалев, 2011a – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй пол. XIX – нач. XX в. (на примере г. Красноярска) / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2011. № 21-2. С. 157-160.
- Ковалев, 2011b – Ковалев А.С. Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 2. С. 92-99.
- Макаренко, 2008 – Макаренко Т.В. Деятельность социальных институтов и частных лиц по оказанию помощи людям пожилого возраста в Москве на рубеже XIX–XX веков. М.: Медина-принт, 2008. 80 с.
- Смолькин, 2005 – Смолькин А.А. Исторические формы отношения к старости // *Отечественные записки*. 2005. № 3. С. 253-264.
- Чернова и др., 2011 – Чернова О.А., Коновалов Я.С., Ильницкий А.Н. и др. Исторические и медико-социальные аспекты пребывания пожилых людей в домах престарелых // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6. С. 27-36.
- Бек, 2000 – Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Cerutti, 2004 – Cerutti S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / *Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building* / Ed. by A.-M. Castrén, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki, 2004. P. 17-50.

- [Hareven, 1991](#) – *Hareven T.* The History of the Family and the Complexity of Social Change // *The American Historical Review*. 1991. Vol 1. P. 95-124
- [Kovalev et al., 2019a](#) – *Kovalev A.S., Novoseltsev N.R., Savin O.I., Savina E.V.* Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1272-1280.
- [Kovalev et al., 2019b](#) – *Kovalev A.S., Novoseltsev N.R., Savin O.I., Savina E.V.* Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1537-1545.
- [Van den Berghe, 1979](#) – *Van den Berghe P.* Human family systems: an evolutionary view. Elsevier North Holland, Inc, 1979. 254 p.

References

- [Beck, 2000](#) – *Beck, U.* (2000). Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk Society: On the way to another modern]. M.: Progress-Tradition. 383 p. [in Russian]
- [Cerutti, 2004](#) – *Cerutti, S.* (2004). Microhistory: Social relations in comparison with cultural models? In *Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action and State-building*. Eds. A.-M. Kastren, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki. Pp. 17-50.
- [Chernova et al., 2011](#) – *Chernova, O.A., Kononov, Ya.S., Ilnitsky, A.N. i dr.* (2011). Istoricheskie i mediko-social'nye aspekty prebyvaniya pozhilyh ljudej v domah prestarelyh [Historical and medico-social aspects of elderly people's stay in nursing homes]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6: 27-36. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- [Hareven, 1991](#) – *Hareven, T.* (1991). Family history and the complexity of social change. *American Historical Review*. 1: 95-124.
- [Kovalev et al., 2019a](#) – *Kovalev, A.S., Novoseltsev, N.R., Savin, O.I., Savina, E.V.* (2019). Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk). *Bylye Gody*. 53(3): 1272-1280.
- [Kovalev et al., 2019b](#) – *Kovalev, A.S., Novoseltsev, N.R., Savin, O.I., Savina, E.V.* (2019). Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society. *Bylye Gody*. 54(4): 1537-1545.
- [Kovalev, 2010](#) – *Kovalev, A.S.* (2010). Uslovija i kachestvo zhizni pozhilyh ljudej v bogadel'njah vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv. (na primere g. Krasnojarska) [Conditions and quality of life of elderly people in almshouses in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the city of Krasnoyarsk)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1: 102-105 [in Russian]
- [Kovalev, 2011a](#) – *Kovalev, A.S.* (2011). Bogadel'nja kak institut obshchestvennogo prizrenija pozhilyh ljudej vo vtoroj pol. XIX – nach. XX v. [Almshouse as an institution of public charity for the elderly in the second half XIX – beginning XX century (on the example of Krasnoyarsk)]. *Ezhegodnaja bogoslovskaia konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 21-2: 157-160. [in Russian]
- [Kovalev, 2011b](#) – *Kovalev, A.S.* (2011). Vosprijatie starosti pozhilymi sibirja-kami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of old age by elderly Siberians in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2: 92-99. [in Russian]
- [Makarenko, 2008](#) – *Makarenko, T.V.* (2008). Dejatel'nost' social'nyh institutov i chastnyh lic po okazaniju pomoshhi ljudjam pozhilogo vozrasta v Moskve na rubezhe XIX-XX vekov [The activities of social institutions and individuals to assist elderly people in Moscow at the turn of the XIX-XX centuries]. M.: Medina-print. 80 p. [in Russian]
- [Smol'kin, 2005](#) – *Smol'kin, A.A.* (2005). Istoricheskie formy otnosheniya k sta-rosti [Historical forms of attitude to age]. *Otechestvennye zapiski*. 3: 253-264. [in Russian]
- [Van den Berge, 1979](#) – *Van den Berge, P.* (1979). Human family systems: an evolutionary view. Elsevier North Holland, Inc. 254 p.
- [Zhukova, 2012](#) – *Zhukova, A.V.* (2012). Blagotvoritel'nost' v Tomskoj gubernii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vekov) [Charity in Tomsk province (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk*. Pp. 375-378. [in Russian]

Разрушение семейной модели помощи и поддержки нетрудоспособного населения во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах г. Красноярска)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^{a, f},
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

^f Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В процессе модернизации российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. происходит трансформация принципов семейной помощи нетрудоспособным лицам в сторону общественного призрения пожилых людей и инвалидов в специализированных заведениях – богадельнях. В соответствии с правилами богоугодных заведений в них принимались нетрудоспособные лица, не способные трудиться и зарабатывать средства к существованию, а также не имевшие родственников. Последнее требование было основным, однако в пореформенный период среди обитателей богаделен было немало тех, у кого имелись родственники, но они по разным причинам отказывались от обязанности содержать своих престарелых родителей или инвалидов, передавая их на призрение в богоугодное заведение. Это свидетельствует о том, что в обществе начались процессы разрушения семейной модели призрения. В статье на основе методологических принципов теории модернизации, истории семьи и микроисторического подхода рассматриваются различные причины, по которым трудоспособные лица переставали быть источником помощи и поддержки для своих больных и состарившихся родственников. В ходе изучения прошений о принятии и исключении из богадельни Т.И. Щеголевой в г. Красноярске анализируются границы и возможности семейных и супружеских обязанностей в отношении нетрудоспособных лиц в период с середины 1870-х по 1910-е гг. По результатам анализа сделан вывод о том, насколько естественным был процесс отхода от семейной заботы в сторону призрения в специализированном заведении.

Ключевые слова: богадельня, инвалиды, общественное призрение, пожилые люди, семья, семейное призрение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)